

*Эта книга посвящается всем тем, кто когда-нибудь
влюблялся в культуру, пожирающую своих детей.
(А также Григору Пахлавуни и Петросу Гетадарцу —
через века)*

Наша память — мир более совершенный, чем вселенная: она возвращает жизнь тем, кого уже нет на свете.

Ги де Мопассан «Самоубийцы»

Я б не избрал даже жизни с Калипсо взамен дыма Константинополя. Я целиком одержим мыслью о множестве источников радости, окружающих со всех сторон: размах и красота наших храмов, длина здешних колоннад и протяженность дорог; дома и все прочее, обогащающее наш образ Константинополя; сборища друзей и беседы, а самое главное — мой златолив, они же твои уста и его цветы...

Никифор Уран, дука Антиохии, письмо 38

ПРЕЛЮДИЯ

Чему в Тейкскалаане нет конца — так это звездным картам и отбытиям.

Вот весь тейкскалаанский космос, раскинулся голограммой над стратегическим столом крейсера «Кровавая Жатва Возвышения», готового к развороту и возвращению домой, будучи в пяти вратах и двух неделях субсветового пути от столичного города-планеты Тейкскалаан. Голограмма — это покой в понимании картографов: «Все эти мерцающие огни есть планетные системы, и все они — наши». Сцена эта — какой-нибудь капитан разглядывает голографическое воссоздание империи где-то за размеченными пределами мира, — какую ни возьми границу, какую ни возьми спицу великого колеса, представляющего тейкскалаанское миропонимание — и отыщешь ее везде: сотню таких капитанов, сотню таких голограмм. И все до единого ведут войска в новую систему, несут все ядовитые дары, какие только могут: торговые соглашения и поэзию, налоги и обещание защиты, энергетическое оружие в черных кофрах и масштабную архитектуру нового губернаторского дворца, возведенного вокруг своего открытого небу лучезарного сердца — храма солнца. Все капитаны до единого повторяют это вновь, превратят очередную систему в бриллиантовую точку на голографической звездной карте.

Вот великий размах лапы цивилизации, вытянувшейся на фоне межзвездной тьмы, вот утешение любому капитану, когда он заглядывает в бездну и надеется, что на него ничто не посмотрит в ответ. Вот звездные карты делят вселенную на «империю» и «прочее», на «мир» и «не мир».

«Кровавую Жатву Возвышения» и его капитана ждет последняя остановка перед тем, как начать обратный путь в центр их вселенной. Есть в секторе Парцравантлак станция Лсел: одна хрупкая вращающаяся жемчужина, тороид тридцати километров в диаметре, что крутится вокруг своей оси, зависнув в точке равновесия между удобно расположенным солнцем и ближайшей полезной планетой. Это крупнейшая из сети горнодобывающих станций, составляющих этот небольшой регион космоса — регион, уже ощутивший на себе касание длинной руки Тейкскалаана, но еще не ее вес.

Из спицы станции сплевывается шаттл, в несколько часов проходит путь до поджидающего золотисто-серого металлического корпуса военного корабля, передает свой груз — одна женщина-человек, багаж, указания — и возвращается невредимым. Ко времени его стыковки «Кровавая Жатва Возвышения» уже приступил к помпезному движению по вектору к центру Тейкскалаана, все еще подчиняясь субсветовой физике. Со Лсела он будет видим еще полтора дня, медленно съеживаясь, пока не станет точкой света, а потом и вовсе погаснет.

Дарц Тарац, лселский советник по шахтерам, наблюдает за удаляющимся кораблем — за его огромной дремлющей угрозой, тяжело нависшей и поглощающей половину горизонта, открытого из иллюминатора в зале Лселского совета. Для Тараца это вездесущее затмение знакомых звезд лишь очередное доказательство тейкскалаанского голода по космосу станционников. Скоро может наступить день, когда такой корабль не уйдет, а обратит ослепительный огонь энерги-

ческого вооружения на хрупкую металлическую скорлупку, где находятся тридцать тысяч жизней, в том числе жизнь Тараца, и брызнут они в убийственный холод, словно семена из раздавленного плода. Пути необузданной империи, верит Тарац, неизбежны.

Над стратегическим столом, за которым заседает на собраниях Лселский совет, не светится голограмма: здесь лишь голая металлическая поверхность, затертая множеством локтей. Тарац снова задумывается над простой загадкой, почему удаляющийся корабль по-прежнему излучает столь ощутимую угрозу, — и отворачивается от иллюминатора, возвращается на свое место.

Быть может, пути необузданной империи и неизбежны, но Дарц Тарац хранит тихий, решительный и лукавый оптимизм: *необузданность* не вечна, и ему об этом известно уже довольно давно.

— Что ж, с *этим* разобрались, — говорит Акнель Амнардбат, советница по культурному наследию. — Улетела. Улетела наш новый посол в империи, *затребованный* этой империей, которую, искренне надеюсь, посол от нас отвадит.

Дарцу Тарацу лучше знать: это он отправлял *прошлого* посла от Лсела в Тейкскалаан двадцать лет назад, когда еще был моложе и увлекался рискованными прожеками. Отправить нового посла — это еще не конец, даже если она уже вылетела на шаттле. Он упирается в этот стол локтями, как все последние двадцать лет, и опускает узкий подбородок на еще более узкие ладони.

— Было бы лучше, — говорит он, — если бы мы могли отправить ее с имаго, не устаревшим за пятнадцать лет. Ради ее же блага и нашего.

Советница Амнардбат — чей собственный имаго-аппарат, этот тонко настроенный неврологический имплантат, хранит записанные воспоминания шести предыдущих советников

по культурному наследию, передававшиеся от одного к другому, — не может и представить того, чтобы говорить с Дарцем Тарацем без предыдущих пятнадцати лет опыта. Будь она сама новым членом Совета с отставанием в пятнадцать лет, то была бы *калекой*. Но сейчас Акнель пожимает плечами, не особенно переживая о том, что этих ресурсов лишена новая посланница в империю.

— Это ваш недосмотр, — говорит она. — Это вы отправили посла Агавна, а Агавн за все двадцать лет службы не удосужился вернуться к нам больше одного-единственного раза, чтобы передать обновленную запись имаго. И вот мы высылаем ему на замену посла Дзмаре с тем, что он оставил пятнадцать лет назад, только потому, что Тейкскалаан потребовал...

— Агавн свое дело сделал, — говорит советник Тарац, и советники по гидропонике и по пилотам за столом согласно кивают: посол Агавн сделал свое дело — не дал станции Лсел и всем остальным мелким станциям в их секторе стать легкой добычей для экспансионистских настроений тейкскалаанцев, взамен на что советники согласились смотреть сквозь пальцы на его проступки. Теперь же, когда Тейкскалаан внезапно потребовал нового посла без объяснений, что стало с прежним, большая часть Совета не торопится с признанием изъядов Агавна, пока не станет известно, мертв ли он, скомпрометирован или попросту пал жертвой какого-то внутреннего передела власти в империи. Дарц Тарац всегда его поддерживал — Агавн считался *его* протеже. А Тарац, советник по шахтерам, все же первый среди шести равных в Лселском совете.

— И Дзмаре сделает свое, — говорит советница Амнардабат. Махит Дзмаре была ее выбором из всех возможных новых кандидатов: идеальный вариант, думала она, для устаревшего имаго. Те же способности. Тот же настрой. Та же ксенофилитическая любовь к культурному наследию, что находится вне

ведения Амнардбат: известный интерес к тейкскалаанским языку и литературе. Идеальный кандидат для того, чтобы выслать с единственной существующей копией посла Агавна. Идеальный кандидат, чтобы унести эту скверную и оскверненную имаго-линию подальше от Лсела — возможно, навсегда. Если Амнардбат не ошиблась в расчетах.

— Уверена, Дзмаре справится, — говорит советница по пилотам Декакель Ончу, — а теперь можно приступить к *настоящему* вопросу перед Советом, а именно — что нам делать с положением у Врат Анхамемата?

Декакель Ончу чрезвычайно заботят Врата Анхамемата — дальние из двух прыжковых врат станции Лсел, которые ведут в регион космоса, куда еще не дотянулись руки тейкскалаанцев. За последнее время она потеряла не один разведывательный корабль — один еще можно было бы списать на несчастный случай, — а два, и оба в одном и том же месте. Потеряла из-за того, с чем не могла вступить в переговоры. Исковерканные и трещащие от радиоактивных помех сообщения, отправленные перед тем, как разведчики замолчали, казались тарабарщиной; что хуже, потеряла она не только пилотов кораблей, но и долгие имаго-линии памяти, к которым эти пилоты принадлежали. Обобщенные разумы людей и их имаго-линий не спасешь и не поместишь в разум новым пилотам, если не найти тела с имаго-аппаратами — а это невозможно, ведь они уничтожены.

Остальной Совет это мало заботит — пока что, но еще озаботит в конце собрания, когда Ончу включит те обрывки записей; озаботит всех, кроме Дарца Тараца. Дарц Тарац ощущает прилив ужасной надежды.

Он думает: «Наконец-то есть империя еще больше той, что пожирала нас по кусочкам. Быть может, время пришло. Быть может, моим ожиданиям конец».

Но эти мысли он держит при себе.

ГЛАВА

1

И вышел из-за крупного газового гиганта по координатам B5682.76R1 корабль, и встала на носу его императрица Двенадцать Солнечная Вспышка, и осияла пламенем своим бездну из края в край. Лучи света ее, раскинувшиеся подобно копьям-спицам ее трона, коснулись металлических корпусов, где обитали люди сектора B5682, и озарили их. Десять небесных тел зафиксировали сенсоры корабля Двенадцать Солнечной Вспышки, один наподобие другого, и впредь это число не росло. Муж и жены в тех корпусах не знали ни времен года, ни подъема, ни упадка, но жили бесконечно на орбите, дома планетного не имея. Крупнейший из тех корпусов именовался станцией Лсел — что на наречии ее народа означает «станция, которая слышит и которую слышат». Но местные с годами замкнулись в себе и с неохотой шли на контакт, хотя были способны к языку и тотчас к обучению приступили...

«История экспансии», книга V, строки 72–87, аноним, приписывается историку-поэту Псевдо-Тринадцать Река, работавшему во времена правления императора всего Тейкскалаана Три Перигея

* * *

Для путешествия в империю Тейкскалаан требует следующие удостоверения личности: а) генетическая запись, подтверждающая исключительное право собственности на свой генотип и отсутствие клонродов, ИЛИ нотариально заверенный доку-

мент о том, что ваш генотип уникален как минимум на 90 процентов и ни одно другое лицо не имеет на него ЗАКОННОГО права; б) перечень товаров, имущества, валюты и объектов интеллектуальной собственности для ввоза; в) разрешение на работу от зарегистрированного в Тейкскалаанской системе работодателя, подписанное и нотариально заверенное, с указанием зарплаты и обеспечения, ИЛИ справка об отличных результатах на экзаменах Тейкскалаанской империи, ИЛИ приглашение от физического лица, государственной организации, бюро, министерства либо другого уполномоченного лица вместе с уточнением дат пребывания в космосе империи, ИЛИ справка, подтверждающая наличие средств для самообеспечения...

Анкета 721Q, заявление на получение визы в иностранных секторах

Махит опускалась к Городу — столичной планете в сердце Тейкскалаанской империи — на семени-челноке: скорее пузыре, чем судне, где едва ли вмещались ее тело и багаж. Она вылетела с борта имперского крейсера «Кровавая Жатва Возвышения» и прожигала атмосферу на траектории к поверхности планеты, из-за чего вид искажался. Таким она впервые увидела Город своими собственными глазами — не на инфокарте, голограмме или имаго-воспоминании: в нимбе белого пламени, светящимся, словно бесконечное мерцающее море: целая планета, обращенная в величественный и урбанистический экуменополис. Здесь даже темные пятна — еще не одетые в металл старые метрополии, пришедшие в упадок районы, укрошенные остатки озер, — казались *населенными*. Лишь океаны остались нетронутыми — но тоже переливались, словно сине-бирюзовый бриллиант.

Город был очень красивым и большим. Махит нередко бывала на планетах — ближайших к станции Лсел, не совсем враждебных для человеческой жизни, — и тем не менее увиденное повергло ее в благоговение. Быстрее забило сердце;